

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ В ЖИЗНИ АЛЬФРЕДА НОБЕЛЯ

В.С.Новиков, С.А.Парцерияк, А.А.Поваженко
(Санкт-Петербург)

Санкт-Петербург, Военно-медицинская академия, Институт экспериментальной медицины - веки жизни великого человека: «динамитного короля» с одной стороны, несостоявшегося физиолога и врача - с другой.

Процесс научных поисков вокруг разработки эффективных взрывчатых веществ привел Альфреда Нобеля, по совету отца, в 1854 г. в Санкт-Петербург, где он познакомился с двумя выдающимися российскими химиками Н.Н.Зинниным и В.Ф.Петрушевским. Тесно контактируя с профессором химии Военно-медицинской академии Николаем Николаевичем Зинниным, он присутствовал при некоторых испытаниях нитроглицерина. Н.Н.Зиннину не было и 40 лет, когда он открыл реакцию восстановления нитробензола в анилин - многотажный продукт, используемый для получения ароматических красителей, взрывчатки и другой продукции. Но все попытки использования Н.Н.Зинниным нитроглицерина в снарядах были безуспешными. Однако ему удалось установить температуру, при которой воспламенялась эта коварная жидкость, и разработать принцип безопасности его хранения. Кроме того, он обратил внимание на нитроглицерин других ученых, в том числе А.Нобеля. Важную роль в формировании взглядов А.Нобеля на проблему создания взрывчатых веществ сыграли также работы Василия Фомича Петрушевского. После взрыва в Петрограде 20 пудов этой непокорной смеси (около 320 кг) именно Петрушевский определил, что взрыв произошел благодаря кислому соединению. После этого нитроглицерин стали смешивать с углекислой магнезией, способной «уничтожать свободные кислоты», свойства которой он описывал в своих лекциях еще в 1860-61 гг. Так в 1866 г. появился русский динамит, который использовали в горнорудной промышленности и дорожном строительстве.

Параллельно с этим проводил свои опыты и А.Нобель. В 1863 г. он взял патент на применение нитроглицерина в технике. Соединяя порох с нитроглицерином, он пришел к мысли об использовании пористого материала, который бы пропитывался маслянистым взрывчатым веществом. В 1866 г. он смешивает нитроглицерин с кизельгуром и получает таким образом свой вариант динамита. В 1867 г. А.Нобель становится автором патента на это открытие и начинает производство динамита, несмотря на несопоримую Пальму Первенства в этой области у российских ученых.

В то же время с Петербургом ассоциируются у А.Нобеля физиологические и медицинские интересы. В 1892 г. он становится членом-сотрудником Петербургского Института экспериментальной медицины (ИЭМ), в который направил программу интересующих его исследований через своего племянника Эммануила (сына Людвиг Нобеля). Так, в письме из Цюриха в Петербург (21 июня 1893 г.) он писал Эммануилу Людвиговичу о том, что хочет предложить использовать принцип прививок растений при переливании крови из артерии молодого и сильного животного в вену больного - с помощью «давления и прижимания, проводимого механическим путем». Кроме того, он предложил попробовать на животных «переливать содержимое здорового, сильного желудка в желудок слабый и больной». Сам А.Нобель изучал «химическую сторону» ядов, находящихся в моче, о чем писал Эммануилу Людвиговичу в письме от 31 марта 1893 г. (ИЭМ, письма А.Нобеля на французском языке). В этот период Нобель планирует разработку аппаратуры для физиологических исследований. Более того, по поручению А.Нобеля Эммануил Людвигович Нобель передал 10.000 рублей попечителю ИЭМ - принцу А.П.Ольденбургскому. Принц испросил разрешение на принятие этого пожертвования у императора Александра III. Высочайшее повеление последовало 8 августа 1893 г. На эти деньги была построена каменная двухэтажная пристройка со специализированной операционной. В этой лаборатории И.П.Павлов проводил свои исследования, за которые 7 октября 1904 г. профессорским советом Каролинского медико-хирургического института (Швеция) ему была присуждена Нобелевская премия и медаль «в знак признания его работ по пищеварению, каковыми работами он в существенных частях пересоздал и расширил сведения в этой области».

В заключение можно предположить, если бы ИЭМ все же занялся предложением А.Нобеля, то, возможно, право на определение лауреатов Нобелевской премии по физиологии и медицине по его завещанию было бы возложено на этот институт, на Санкт-Петербург и Россию.

НОБЕЛЬ-ОЛЕЙНИКОВА – ЖЕНЩИНА-ВРАЧ В РОССИИ

В.С.Мещуков
(Санкт-Петербург)

В Санкт-Петербургском медицинском институте имени И.П.Павлова в мае 1993 г. на здании бывшей Хирургической факультетской клиники была торжественно открыта мемориальная доска в память Марты Людвиговны Нобель-Олейниковой, дочери Людвиг Нобеля, основателя механического завода в Петербурге (ныне «Русский дизель»), а также Товарищества нефтя-

ного производства братья Нобель, и племянницы учредителя нобелевских премий Альфреда Нобеля.

Так сложилось, что даже в России - второй родине Марты Людвиговны, достаточно много сделавшей для российской медицины, ее имя было совершенно забыто и неизвестно до последнего времени [1, 2]. А она внесла большой вклад в развитие первого в России, да и в Европе, Женского медицинского института (ныне С.-Петербургский медицинский институт имени И.П.Павлова). Знакомство с деятельностью Марты Людвиговны в России может быть интересно и для широкой публики в Швеции, где она провела последние годы своей жизни.

Прежде всего возникает вопрос. Почему Марта Людвиговна, из достаточно обеспеченной семьи предпринимателей русской ветви семьи Нобель, решила посвятить свою жизнь медицине? Нам кажется, что этому были свои предпосылки.

Еще в 1892 г. Эммануил Людвигович Нобель, старший ее брат, принял решение содействовать научным целям Императорского Института экспериментальной медицины в Петербурге. За этим последовало распоряжение попечителя этого института принца А.П. Ольденбургского:

С.-Петербургского 1-й гильдии купца Эммануила Людвиговича Нобеля, изъявившего готовность содействовать своими трудами и пожертвованиями целям Императорского Института экспериментальной медицины, назначаю его Членом-сотрудником этого института.

Подписал: Попечитель принц Александр Ольденбургский [3].

Но к этому институту прямое отношение имел и Альфред Нобель, который пожертвовал ему «10 тысяч рублей без всяких условий относительно употребления этого дара» [4]. Это пожертвование было официально принято, о чем последовало Высочайшее повеление от 8 августа 1893 г.:

«Шведский подданный, доктор философии Альфред Нобель, интересующийся физиологией и желая способствовать изысканиям в области этой науки, представил Попечителю Императорского Института экспериментальной медицины, Его Высочеству принцу Александру Петровичу Ольденбургскому наличными деньгами 10.000 рублей, как пожертвование его Институту, не ставя никаких условий для употребления приносимого им дара.

Подвергая таковое пожертвование на Всемилостивейшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА воззрение Его Высочество, принц Ольденбургский испрашивал разрешения ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на принятие сего пожертвования для обращения оного в специальные средства Императорского Института экспериментальной медицины.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, в 8-й день Августа 1893 года, Высочайше на сие соизволил.

О таком Высочайшем повелении Министр внутренних Дел 28 августа 1893 года, доложил Правительственному сенату для опубликования» [5].

Что же скрывалось за такой формулировкой и как было сделано это пожертвование? В Центральном государственном историческом архиве города Санкт-Петербурга сохранились документы, проливающие свет на это пожертвование. Так, А.Нобель в письме от 31 марта 1893 г. рассказал своему племяннику Э.Л.Нобелю о своих исследованиях в области физиологии, и в частности, о влиянии находящихся в моче птомаинов на ход различных болезней [6]. Поскольку Э.Л.Нобель уже был членом-сотрудником Института экспериментальной медицины, становится понятным обращение А.Нобеля к нему по этим вопросам, не относящимся к производству и деловым отношениям. Но смысл пожертвования и подробную программу исследований по физиологии А.Нобель выразил в письме от 21 июня 1893 г., отправленном Э.Л.Нобелю в Петербург из Цюриха. Приведем фрагменты этого письма:

«Дорогой племянник.

Пишу тебе сегодня по-французски, чтобы избавить тебя от труда переводить мое письмо; кроме того, я хочу сохранить деловой документ о тех взглядах, которые будут изложены в этом письме, потому что я стою за свое авторское право на них, поскольку они оригинальны.

Прежде чем приступить к сущности дела, я заявляю, что не ставлю никаких условий, принося свой маленький дар Институту принца Ольденбургского. Но если бы оказалось желательным, чтобы я сделал больше, я поставлю это в зависимость от степени развития, которое Институт пожелает или найдет возможным дать своим работам. В общих чертах я набрасываю сущность этих исследований. Я делаю такое же сообщение Президенту Института в Стокгольме, и надеюсь, что если высказанные мною идеи основательны, то один из двух институтов обратит на них внимание, которое они быть может заслуживают.

Далее выясняется, что А.Нобель занимался «уже давно бродившей в голове» идеей переливания крови из артерии «молодого и сильного животного» в вену другого с помощью «давления и прижимания, производимого механическим путем». Здесь А.Нобель аналогом считал прививку растений. Ему казалось, что эта идея даже с научной точки зрения представляет интерес, несмотря на непредсказуемость практических результатов эксперимента. Но это было не все. Он предложил попробовать на животных «переливать» содержимое здорового, сильного желудка в желудок слабый или желудок больного». Кроме того, Нобель интересовался «количеством яда, содержащегося в моче», видя в уменьшении или увеличении содержания этих ядов связь между «ходом некоторых болезней». Он сам занимался «химической стороной этого вопроса» и обещал Э.Л.Нобелю информировать его о ходе своих исследований. Таким образом, вырисовывалась целая программа

исследований по физиологии. Свое письмо А.Нобель заканчивал такими словами:

«Быть может, скажут, что я очень самопадеян, желая коснуться вопросов, входящих в область специальной науки. Но не всякий грех есть милость. Я имею влечение к физиологии, которое толкает меня на этот путь. Я заранее краснею за свои промахи, - быть может, ради этого к ним отнесутся снисходительно» [7].

Но пожертвованные А.Нобелем средства были использованы на «общие нужды института» (построена пристройка к существующему зданию, в которой разместилась физиологическая лаборатория И.П.Павлова). По иронии судьбы, за исследования, сделанные И.П.Павловым в стенах этого здания, он позднее получил Нобелевскую премию по физиологии и медицине. Об этом не могла не знать и Марта Людвиговна.

На наш взгляд, была еще одна причина, однако другого порядка. Для начала приведем полный текст автобиографии Марты Людвиговны, написанной ей при поступлении в Женский медицинский институт:

АВТОБИОГРАФИЯ

Марта Людвиговна Нобель

Я, ниже подписавшаяся Марта Людвиговна Нобель, родилась в Петербурге в 1881 году и, живя при матери [Эдла Константиновна Нобель, урожденная Голлин - В.М.], до 1896 года обучалась дома. Осенью 1897 года поступила ученицей в Перворазрядное Женское учебное заведение г-жи Вальдшмидт, бывшее Докучаевой и весной 1899 года окончила первую ученицею 8-ми летний курс вышеупомянутого учебного заведения. Осенью того же года я выдержала испытания с высшими отметками по всем предметам, как главным, так и второстепенным, на звание домашней учительницы при Петербургской VI гимназии. С начала 1900 года, пройдя курс С.-Петербургского Общества Самаритян, я и по ныне занимаюсь практически хирургией в Общине Сестер Милосердия Святого Георгия, что у Сампсониевского моста. Весной 1901 года я выдержала экзамен зрелости из курса латинского языка в С.-Петербургской VI гимназии. 28 августа 1901 года подверглась испытанию по всем предметам в Маринской Женской гимназии, в объеме требуемом от кончающих первый класс Женской гимназии.

С.-Петербург, 20-го мая 1902 г.

Марта Людвиговна Нобель [автограф] [8].

Жительство имею:

С.-Петербург

Сампсониевская наб. д. № 15

Действительно, после окончания перворазрядного женского учебного заведения, содержащегося Иоганной Федоровной Вальдшмидт в Петербурге на Васильевском Острове по 1-й линии в доме № 18, Марта Людвиговна

подала прошение о желании обучать в частных домах на праве Домашней учительницы и была допущена к экзаменам в Испытательном комитете Санкт-Петербургского учебного округа. Как видно из свидетельства о сдаче экзаменов по французскому и немецкому языкам, она «показала отличные сведения и, сверх того, в присутствии испытателей с успехом дала пробные уроки». И, как далее было написано в этом свидетельствовании:

...Марте-Елене Людвиговне Нобель дозволено преподавать означенные предметы на праве Домашней учительницы и исправлять сию должность, но она, как не подданная Российской Империи, не может пользоваться выгодами и преимуществами сего звания. В удостоверение чего, дано ей сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати канцелярии Попечителя СПб Учебного округа. Декабрь 23 дня 1899 г. [9].

Таким образом, практически преподавательская деятельность в России для нее была закрыта. Все это, в конечном счете, и повлияло на выбор ее жизненного пути, поскольку в России высшее образование женщины можно было получить только в С.-Петербургском Женском медицинском институте. Путь к высшему образованию для Марты Людвиговны оказался сложным.

Сначала пришлось прослушать курсы и пройти практические занятия в столичных больницах, которые были организованы С.-Петербургским Обществом Самаритян, целью которых были оказание первой помощи в несчастных случаях и при внезапных заболеваниях, а также распространение познаний в гигиене и уходе за больными. Полученные здесь знания позволили Марте Людвиговне заняться практически хирургией в больнице Общины Сестер Милосердия Святого Георгия по Сампсониевской набережной, дом 1 (здание этой больницы сохранилось до наших дней). Отметим, что председателем этой общины была принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, а членами состояли видные представители петербургской знати.

Одновременно с врачебной деятельностью Марта Людвиговна успешно сдала в марте 1901 г. экзамены по латинскому языку, необходимые для поступления в Женский медицинский институт. Кроме того, в августе того же года она «при специально произведенном испытании» в Маринской Женской гимназии в объеме, требуемом от кончающих 1-й класс, показала «отличные знания» по Закону Божию, русскому языку, французскому и немецкому языкам, арифметике, географии, физике и «весьма хорошее» - по истории; о чем ей было выдано свидетельство за подписью начальника С.-Петербургской и Царскосельской женских гимназий П.Степанова [10].

Казалось, что путь к высшему медицинскому образованию открыт. Но первая попытка поступить в институт, несмотря на письмо попечительницы Общины Сестер Милосердия Св.Георгия Марии Андреевны Сольской и положительной резолюции попечителя СПб Учебного округа, в 1901 г. была неудачной. В следующем году она вновь подаст документы в институт:

Его Превосходительству 2-му Директору СПб ЖМН имеющей звание учительницы М.Л. Нобель

Прошение

Имею честь вновь покорнейше просить Ваше Превосходительство о принятии меня в число слушательниц СПб Женского медицинского института. К сему имею честь присовокупить, что уже в прошлом году я пыталась поступить в число слушательниц Института, но отношением, Канцелярия СПб Женского медицинского института от 16.10.1901 за № 3121, мне было отказано в приеме за неимением свободных вакансий.

СПб, 20.05.1902

Марта Людвиговна
Нобель [автограф] [11].

На этот раз Марта Людвиговна была зачислена слушательницей этого института. Отметим, что для поступления в него потребовалось представление вида на жительство, согласно родителей или попечителей (в данном случае ее попечителем был старший брат Эммануил Нобель), а также свидетельство о благонадежности, выдаваемое полицией по запросу учебного заведения:

СПб
градоначальника
отделение по охранению общественной безопасности
и порядка в столице
21.05.1902
№ 10876

секретно
2-му Директору СПб ЖМН
Вследствие просьбы дочери СПб 1-й гильдии купца Марты Людвиговны Нобель о выдаче ей свидетельства для поступления в Женский медицинский институт, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что сведений, компрометирующих названное лицо в политическом отношении, в Управлении моем не имеется.

За Градоначальника
помощник его,
Камергер Высочайшего Двора (подпись) [12].

Началась кропотливая учеба. Ее профессорами были А.А.Лихачев, А.М.Левин, А.А.Кадьян, П.Т.Садовский, В.М.Бехтерев, Н.И.Андогский и другие. Полученные отличные оценки почти по всем предметам наглядно доказали о желании Марты Людвиговны стать высокопрофессиональным врачом.

На 3 курсе Марта Людвиговна выходит замуж за приват-доцента Военно-Медицинской академии доктора Георгия Павловича Олейникова, известного специалиста по заразным болезням и общественного деятеля. Он, в частности, защитил диссертацию «Об искусственном иммунитете к холер-

ному вибриону» на степень доктора медицины и имел 9 научных публикаций. Интересно, что для заключения брака Марте Людвиговне пришлось писать прошение на имя директора института, поскольку она являлась слушательницей, и на это последовало соответствующее разрешение:

7 декабря 1904 г. № 2552	Свидетельство Дано сие девице дочери 1-й гильдии СПб купца слушательнице СПб Женского медицинского института М.Л.Нобель, в том, что на вступление ее в законный брак препятствий со стороны Института не встретится. Директор [13].
-----------------------------	---

16 января 1905 г. Марта Людвиговна была повенчана законным браком с Г.П.Олейниковым в Крестовоздвиженской при 3-й гимназии церкви.

Конечно, М.Н.Нобель-Олейникова, являясь слушательницей, прекрасно видела стоящие перед институтом трудности и проблемы по расширению материальной базы и созданию новых клиник и кафедр. Видела она и тяжелое положение малообеспеченных слушательниц. Приведем меткую характеристику положения слушательниц института, данную помощником директора института профессором А.А.Кадьяном в беседе с корреспондентом «Петербургской газеты»:

«Среди слушательниц нашего института царит беспросветная нужда. В числе слушательниц бывают, конечно, и богатые, вроде госпожи Нобель и княжны Долгорукой, но это только счастливые исключения. Большинство же живет впроголодь, обедая не каждый день» [14].

Марта Людвиговна не только видела все это, но и конкретными делами пыталась в силу своих возможностей помочь институту. Поэтому она поддержала инициативу профессора Н.И.Андогского по постройке здания для глазной клиники. Ее личные пожертвования, а также семья Нобель, позволили в течение полутора лет закончить постройку здания по проекту архитектора Г.И.Мерца. Открытие новой клиники состоялось 24 ноября 1907 г. Клиника, рассчитанная на 40 человек, уже в первые дни приняла 52 больных; она была оснащена необходимым оборудованием и выделялась образцовым порядком и чистотой. Заведующий клиникой Н.И.Андогский при ее открытии в своей речи привел отчет о сооружении этого здания. Он, в частности, сказал:

Несмотря на то, что потребность в сооружении самостоятельной институтской глазной клиники ощущалась давно, приступить к ее сооружению не представлялось возможным за неимением средств. Два года то-

му назад и институт поступило для названной цели пожертвования от 2-й Нобель-Олейниковой в размере 35 тысяч рублей. Институт оставил от себя 25 тысяч и ходатайствовал перед городом о помощи. Городское общественное управление откликнулось и пожертвовало для клиники участок земли в районе Петропавловской больницы, ассигновав на постройку ее 20 тысяч [15].

На открытии клиники Марта Людвиговна не присутствовала, но ее муж Г.П.Олейников от имени семьи Нобель «приветствовал появление новой лечебницы». Это событие совпало с 10-летием института и в эти дни открылся бактериологический институт, лаборатории и кабинеты 5-ти теоретических кафедр.

Но не только Глазная клиника, существующая и сегодня, напоминает нам о Марте Людвиговне. В 1909 г. по окончании полного курса института она обратилась к директору института профессору С.С.Салазкину с просьбой указать ей, в чем и в каком учреждении нуждается институт. При этом спросила: «Нужна ли институту хирургическая факультетская клиника?» Это предложение было как никогда своевременным, так как кафедра госпитальной хирургии пользовалась общей аудиторией с кафедрой госпитальной хирургии, а практические занятия проходили в хирургическом отделении Петропавловской больницы. Уже 8 апреля 1909 г. С.С.Салазкин в своем письме на имя председателя С.-Петербургской Городской больницы комиссии сообщил о получении «частного пожертвования для постройки хирургической клиники на 50 кроватей». Начались практические работы по строительству новой клиники. Состоялось рабочее совещание в составе С.С.Салазкина, М.Л.Нобель-Олейниковой, Г.П.Олейникова и заведующего кафедрой факультетской хирургии Германа Федоровича Цейдлера, известного хирурга, обосновавшего необходимость раннего оперативного вмешательства при остром аппендиците и возглавляющего кафедру с 1907 по 1918 гг. Были определены условия постройки клиники, число кроватей и ценовая стоимость всех работ. В созданный Строительный комитет под председательством С.С.Салазкина вошли, кроме уже названных лиц, представители Общества усиления средств для женского медицинского института баронесса В.И.Иксуль и В.С.Кривенко, а также главный врач Петропавловской больницы Г.А.Смирнов и профессор А.А.Кадыян. Уже 21 мая 1910 г. началось строительство клиники. Но одновременно пришлось решать и ряд организационных вопросов. Так, С.С.Салазкин, прося СПб Городское Самоуправление взять на свой счет «оборудование сооружаемого хирургического здания, содержание его и больных, а равно соответствующего персонала» привел аргументированное обоснование своей просьбы:

«Могут сказать, что содержание каждой кровати обойдется несколько дороже, чем это стоит в большинстве городских больниц. При ближай-

шем рассмотрении это возражение не трудно опровергнуть. Чтобы правильно вычислить стоимость содержания кровати, необходимо 50 кроватей новой клиники причислить к общему числу кроватей в Петропавловской больнице, а весь расход на эту клинику причислить к общему бюджету больницы; деление увеличенного таким образом бюджета на число кроватей, увеличенных на 50, даст истинную стоимость кровати. Совершенно понятно, что стоимость каждой кровати есть величина средняя; если же высчитывать по зданиям, то она представит значительные колебания. Это одно соображение. Другое сводится к тому, что лишние 50 кроватей город получает, делая лишь единовременную и при том относительно небольшую затрату на оборудование и ничего не платя за землю, ни за сооружение здания; при чем город, получая эти 50 кроватей в соответствии выстроенном здании, не будет нести расходов по аренде, как это делается им при найме частных зданий, для больничного дела совершенно не приспособленных» [16].

Уже из этой части письма Салазкина видно, какую экономию получил город за счет благотворительности Марты Людвиговны. Не проводя официального конкурса, комиссией был принят (из 4-х представленных проектов) наиболее удачный проект известного финского архитектора, академика архитектуры С.-Петербургской Академии Художеств Густава Нюстрема. Надзор за строительством осуществлял архитектор института Г.И.Мери.

Наконец 26 сентября 1912 г. новая клиника была открыта. Вот как об этом писал журнал «Русский врач»:

«В Женском медицинском институте в С.-Петербурге радужно и широко открыла свои двери больному люду и учащимся новая факультетская хирургическая клиника, сооруженная на средства бывшей слушательницы Института женщины-врача М.Л.Нобель-Олейниковой. Клиника в педагогическом, техническом и гигиеническом отношении удовлетворяет самым строгим требованиям, предъявляемым к такого рода учреждениям, и составляет гордость и украшение не только Института, но и всей России» [17].

Торжественному открытию этой клиники предшествовало заседание Совета института, на котором Марта Людвиговна была избрана Почетным членом Женского медицинского института. К этому времени это высокое звание имели бывший директор института Д.С.Отг, а также К.А.Раухфус и И.И.Мечников. Вместе с М.Л.Нобель-Олейниковой в этом звании министром народного просвещения была утверждена и Е.А.Шанявская - инициатор и пропагандист женского медицинского образования в России [18]. Так как Марта Людвиговна не присутствовала на открытии клиники, то диплом о присвоении этого звания был вручен Г.П.Олейникову, который, по словам газеты «Современное слово», в своей речи отметил:

«Выполнению идеи М.М.Нобель, к счастью, сопутствовала удача во всех отношениях: на помощь пришли и Институт и городское самоуправление. Наконец, даже министерство народного просвещения отнеслось благожелательно к устройству клиник ... это не препятствовало» [19].

Но создание новой клиники и института, оккупывается, связано со всей семьей Нобель. Так, мать Марты Людвиговны - Эдла Константиновна - пожертвовала все необходимое клинике семье, а сестра Ингрида Людвиговна Альквист выделила средства для устройства сада перед клиникой и обстановки помещений для дневного пребывания больных. Недаром печатно отмечалось:

«Внутренняя обстановка всех помещений клиники почти роскошная и во всем чувствуется удивительный уют, который могли создать лишь женские руки. Везде на окнах цветы, по стенам картины. Нет ничего, напоминающего обычную обстановку больницы» [20].

Не остались в стороне и братья: Эммануил Людвигович выделил средства на строительство решетки сада перед зданием клиник (в настоящее время сохранились только части столбов с фонарями). Кстати, русское правительство высоко оценило его благотворительную деятельность. Вот что пишет по этому поводу «Травительственный вестник»:

«Государь Император, по всеподданнейшему докладу Главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества Канцеляриею ходатайства Министра Народного Просвещения о награждении вне правил, за исключительные пожертвования на пользу науки и народного образования коммерции советника Эммануила Нобеля, 18 минувшего мая, Всемилостивейше соизволил пожаловать названному лицу чин действительного статского советника по ст.292 уст.служб.прав. Т.III св.зак., изд. 1896 г.» [21].

Эмиль Людвигович купил кровати для больных, а Густав Людвигович взял на себя устройство лаборатории для слушателей. Таков был вклад семьи Нобель в устройство этой клиники. Но при ее открытии Г.Ф.Цейдлер особо отметил заслуги Марты Людвиговны:

«Первенствующая заслуга в возникновении этой клиники принадлежит, конечно Марте Людвиговне Нобель-Олейниковой, которая не только пожертвовала средства на постройку клиники, но и принимала самое деятельное и горячее участие в разработке проекта здания и в устройстве самой клиники, с удивительной энергией неутомимо вдаваясь во все детали дела.

Известная шведская писательница Зельма Лагерлеф, соотечественница нашей жертвователницы, получив Нобелевскую премию за литературные заслуги, в своей ответной речи в чрезвычайно поэтической форме высказывает свою благодарность. Вся ее речь это гимн благороднейшему чувству человеческой души - чувству благодарности.

Самый факт пожертвования Женскому Медицинскому Институту этой клиники, не есть ли это тоже выражение благодарности? Не вытекает ли желание помочь Институту в его нуждах из чувства благодарности за полученные в свое время в Институте же познания? И разве пожертвование такой клиники, такого культурно-просветительного учреждения не есть наиболее достойный способ выражения благодарности своей alma mater и своему второму отечеству?

Клиника - это не простая больница на 50 кроватей. В клиниках, помимо лечения больных, получают свое медицинское образование ежегодно сотни слушательниц, которые впоследствии, всюду разносят просвещение, распределяясь по всему обширному отечеству, всюду приносят послынную медицинскую помощь; и я высказываю полную уверенность, что и нынешним, и будущим слушательницам удастся, совместно с ними работая в столь благоприятных условиях новой, вполне современно обставленной клиники, вынести ту пользу, о которой мечтала Марта Людвиговна, когда она устраивала с такой любовью этот подарок Институту. Нам же остается лишь одно: сказать жертвователнице, низко кланяясь, сердечное спасибо» [22].

Вот так современники Марты Людвиговны воспринимали ее благотворительные деяния и выражали свою за это благодарность. Но она сама продолжала оказывать материальную помощь институту. Она пожертвовала в 1910 г. 3,5 тысяч рублей на учреждение стипендий «недостаточным слушательницам» [23]. В 1912 г. эта сумма стипендиального фонда была перераспределена следующим образом: 700 рублей предназначалось врачу, который останется при институте и будет работать в новой факультетской хирургической клинике. Кроме того, Марта Людвиговна выделила 2 тысячи рублей на устройство лаборатории и на приобретение различных моделей для учебных целей клиники горловых и ушных болезней [24]. Поддержала она и инициативу слушательниц по устройству институтской столовой, открытой 26 декабря 1912 г., пожертвовав на это 10 тысяч рублей [25]. Таков был личный вклад Нобель-Олейниковой в расширение материальной базы, улучшение жизни и быта слушательниц этого института.

Марта Людвиговна была не только квалифицированным врачом-рентгенологом, являясь заведующей рентгенологическим кабинетом в новой клинике, но и прекрасным организатором. Она устроила и содержала на свои средства «колонию для слабых детей» служащих и рабочих завода «Людвиг Нобель», которые учились в созданной Э.Л.Нобелем для них школе. Эта колония размещалась в имении семьи Нобель «Кирьода» под Выборгом, современное название которой - Ландышевка, около поселка Йохнесс (ныне - Советский, по дороге от Выборга к Приморску).

Но особенно ее дарования как врача раскрылись во время Первой мировой войны, когда служащие Товарищества нефтяного производства Братья

Нобель устроили в Народном доме Нобеля (Лесной пр., 19) лазарет для раненых солдат русской армии. Вот как писали по этому поводу «Петроградские ведомости»:

«В Народном доме Нобеля открылся лазарет на 150 кроватей служащих Товарищества нефтяной фирмы Нобеля.

При лазарете имеется операционная, две перевязочных, стирализационная и помещение для дезинфекции вещей больных по японскому методу. Старшим врачом лазарета состоит М.Л.Нобель-Олейникова, строительница факультета хирургической клиники Женского медицинского института.

Лазарет является дополнением со стороны служащих Нобеля к его пожертвованию в 500 тысяч рублей на нужды войны» [26].

Уже 5 ноября 1914 г. были приняты первые раненые, и если первоначально лазарет был рассчитан на 150 коек, то позднее их количество было доведено до 180 за счет перестройки самого здания, предусмотренного для многолюдных собраний. Небольшой медицинский персонал из трех младших врачей (В.М.Молчанова, В.П.Морель и Н.О.Фрейберг) и 11 сестер милосердия обеспечил только за один год 54 приема раненых. Интересно, что рентгеновские снимки выполнялись безвозмездно в рентгеновском кабинете Факультетской хирургической клиники женского медицинского института, заведующим которым была сама Марта Людвиговна. В лазарете в качестве лечебных процедур широко применялись «шведский массаж» и грязелечение, которые стали здесь использовать одними из первых в Петрограде. Это оказалось возможным благодаря доставке правлением Рязанско-Уральской железной дороги грязи озера Эльтон из Астраханской губернии в Петроград. Как писала Марта Людвиговна:

«Под грязелечебницу мы приспособили каменный одноэтажный домик в парке [он примыкал к народному дому Нобеля.- В.М.], где имелась 1 ванная, 2 душа и уборная. В день обслуживалось 25 больных одной сестрой и двумя санитарями из Лазарета. В год было обеспечено 2809 ванн» [27].

Результаты грязелечения в лазарете были подведены Мартой Людвиговной в 1916 г. в отдельной публикации [28]. Наряду с лечением раненых в лазарете устраивались слки в новогодние дни, концерты, кинематограф и чтения для больных. И еще один штрих. Прекрасно понимая, что бывшие солдаты, ставшие инвалидами, рано или поздно вернуться мирному труду, в лазарете было организовано обучение выздоравливающих сапожному и корзиночному делу, для чего специально выписали из Финляндии мастера Свенсона.

Руководя лазаретом, Марта Людвиговна занималась еще созданием и усовершенствованием медицинского оборудования. Так, для лечения переломов нижних конечностей вытяжением по способу Барденхейера она скон-

струировала деревянные подставки для кроватей с блоками по типу металлических, выпускаемых фирмой Шапльгина в Петрограде.

Накопленный опыт работы в лазарете и рентгеновском кабинете Женского медицинского института позволил Нобель-Олейниковой сделать несколько научных публикаций по двум основным направлениям ее медицинской деятельности: лечение переломов конечностей и рентгенология. Имея достаточно большую практику (67 случаев) по лечению переломов бедренной кости, связанных с военными событиями, она смогла выполнить серьезное аналитическое научное исследование на эту тему с учетом русской и иностранной литературы и опубликовать его в печати [29]. В результате этих исследований ею была разработана и с успехом применялась методика постоянного вытяжения по Нобель-Олейниковой. Применение данной методики при переломах бедренной кости было прогрессивно по сравнению с устаревшей гипсовой повязкой. Уже сам объем выполненного исследования с практическими результатами дает возможность предположить, что у автора имелись все основания для подготовки диссертации на звание доктора медицины.

Второе направление деятельности Нобель-Олейниковой было связано с новой тогда областью медицины - рентгенологией. В рентгеновском кабинете Факультетской хирургической клиники с 1913 г. Марта Людвиговна сделала сама 477 рентгенограмм переломов длинных трубчатых костей. Этот опыт позволил ей принять участие на I-м съезде Российских рентгенологов, который проходил в декабре 1916 года в Московском университете одновременно с 14-м съездом Российских хирургов и 6-м съездом терапевтов. В программу рентгеновского съезда, собравшего до 150 ученых, врачей и специалистов, были включены вопросы о постановке рентгеновского дела в ближнем и глубоком тылу, о рентгенодиагностических лучах. Председателем съезда был избран профессор С.П.Федоров, а почетным председателем академик Н.Г.Егоров. На утреннем заседании 17 декабря Марта Людвиговна выступила с докладом «Роль рентгенодиагностики при распознавании и лечении переломов длинных трубчатых костей». Доклад был основан на материалах, полученных в рентгеновском кабинете факультетской хирургической клиники и лазарета Товарищества Братьев Нобель в Петрограде. Этот доклад привлек внимание специалистов. В журнале «Медицинское обозрение Спримона» была дана краткая аннотация на этот доклад:

«Докладчицей указано на важность рентгенологических исследований при переломах костей для обнаружения присутствия костных осколков и секвестров и для контроля над образованием кости, мозоли и правильности положения отломков. Доклад сопровождался демонстрацией рентгенограмм».

Сам доклад в виде отдельной статьи был опубликован в 1917 г. с приложением 12 таблиц с рентгенограммами. В этой статье Марта Людвиговна подчеркнула - «полное свое значение рентгенография приобретает лишь

тогда, когда идет рука об руку с клиникой». Ей действительно удалось выполнить эту трудную задачу.

Но в полном мере реализовать свои возможности как врача и ученого в России Марте Людвиговне не удалось. После 1917 г. вся ее семья была вынуждена покинуть Россию и уже навсегда. Так закончился ее русский период жизни. Но в зданиях, построенных на деньги Нобель-Олейниковой и ее семьи, продолжают лечить больных и готовить будущих врачей.

К сожалению, автору этой статьи очень мало известно о том, как сложилась судьба Марты Людвиговны после 1917 г., и автор будет благодарен всем, кто мог бы оказать помощь в поиске новых материалов.

Литература

1. Менькунов В., Корешкин И. Свет милосердия // Мед. газ. - 1992. - 26 июня.
2. Менькунов В. Вклад семьи Нобелей в российскую медицину // Врач. - 1993. - № 8. - С. 59-62.
3. ЦИИА г.С.-Петербурга, ф. 2282, оп. 2, д. 152, л. 1.
4. Врач. - 1893. - № 45. - С. 1263.
5. Полное Собрание законов Российской Империи. - СПб. - 1897. - Т. XII. - 1893. - С. 544.
6. ЦИИА г.С.-Петербурга, ф. 2282, оп. 1, д. 47, л. 8-8об.
7. ЦИИА г.С.-Петербурга, ф. 2282, оп. 1, д. 47, л. 3-4об.
8. ЦИИА г.С.-Петербурга, ф. 436, оп. 1, д. 9891, л. 18.
9. Там же, л. 5.
10. ЦИИА г.С.-Петербурга, ф. 436, оп. 1, д. 9891, л. 17.
11. ЦИИА г.С.-Петербурга, ф. 436, оп. 1, д. 9891, л. 1.
12. ЦИИА г.С.-Петербурга, ф. 436, оп. 1, д. 9891, л. 14.
13. Там же, л. 15.
14. Петербург. газ. - 25.09.1912.
15. Петербург. листок. - 25.11(8.12).1907.
16. Копия письма С.С. Салазкина от 23.03.1911 г. Представлена автору профессором С.-Петербургского медицинского института им. И.П.Павлова Л.В.Лебедевым.
17. Рус. врач. - 1912. - № 39. - С. 1675.
18. Врачеб. газ. - 22.07.1912.
19. Соврем. слов. - 27.09(10.10)1912.
20. Россия. - 27.09.1912.
21. Правительственный вестник. - 10(23).06.1909.
22. Цейдлер Г.Ф. Речь, сказанная при открытии Хирургической факультетской клиники СПб Женского медицинского института. - СПб. - 1912. - С. 7.
23. Русский врач. - 1910. - № 11. - С. 402.
24. Русский врач. - 1912. - № 3. - С. 106.
25. Отчет о состоянии и деятельности СПб Женского медицинского института за 1908-09, 1909-10, 1910-11 и 1911-12 учебные годы. - СПб. - 1914. - С. 200-201.

26. Петроград. Ведомости. - 18.11.(1.12)1914.
27. Нобель-Олейникова М.Л. Очерк деятельности Лазарета для раненных нижних чинов Товарищества братьев Нобель за 1-й год его существования с 5.11.1914 по 1.11.1915. - Петроград, 1916.
28. Нобель-Олейникова М.Л. Опыт лечения 137 раненных и больных Эльтоповской Грязью // Рус. врач. - 1916. - № 3. - С. 60-62.
29. Нобель-Олейникова М.Л. О лечении переломов бедренной кости по данной русской и иностранной литературы за текущую войну и на основании 67 собственных случаев // Рус. врач. - 1916. - № 41. - С. 970-981; № 43. - С. 1017-1025.

КТО НАСТОЯЩИЙ АВТОР ОТКРЫТИЯ «Х»-ЛУЧЕЙ?

*К.Р.Манолов (Пловдив, Болгария), Н.Д.Василега-Дерибас¹ (Запорожье),
В.М.Тютюнник (МИНЦ, Тамбов), В.П.Орел (Киев)*

*«Из пошатнувшихся колонн
кумиры падают...»*

А.С.Пушкин

Годы 1895-1898 – замечательные и эпохальные в истории нашей цивилизации. 100 лет назад – в ноябре 1895 г. человечество шагнуло в эпоху радио, «динамитный король» А. Нобель составил в Париже свое завещание потомкам, а профессор Вюрцбургского университета В.К.Рентген «совершенно случайно», по его словам, нашел новый вид излучения – невидимые и таинственные Х-лучи.

В следующем 1896 г. А.Беккерель, исследуя урановые соли, обнаружил новое явление, которое М.Склодовская-Кюри чуть позже окрестила «радиоактивностью». В 1897 г. Дж.Дж.Томсон открыл первую элементарную частицу – электрон. А в 1898 г. супруги П. и М.Кюри в результате каторжного, нечеловеческого труда выделили и идентифицировали 2 новых радиоактивных элемента: полоний и радий... Так человечество вступило в атомную эру.

В 1995 г. исполнилось 150 лет со дня рождения корифеев физики – украинца И.П.Пулюя и немца В.К.Рентгена.

Сын Галицийского Подолья – Иван Павлович Пульгуй (Пулюй) родился 2 февраля 1845 г. в городе Гримайлове, на Тернополье. Закончил польскую гимназию в Тернополе. И как когда-то великий помор М.Ломоносов, отправился пешком из родительского дома на берега голубого Дуная – в столицу Австро-Венгрии – Вену. По желанию родителей юный Пулюй в 1864 г. ста-

¹ Руководство Международного Информационного Нобелевского Центра благодарит Николая Денисовича Василега-Дерибаса за предоставление в Нобелевскую научную библиотеку МИИЦ многочисленных книг, брошюр и статей.